

АРТУР КЛАРК

---

*ЛЕВ КОМАРРЫ
и другие повести*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

ЛЕВ КОМАРЫ

© The Lion of Comarre, 1949.

© Перевод Е. Мениковой, 2022.

Глава первая БУНТ

К концу двадцать шестого века великая наука практически исчезла. Длинная череда изобретений, которые определяли собой мир на протяжении почти тысячи лет, постепенно подходила к концу. Все уже открыли. Великие замыслы прошлого один за другим реализовались.

Цивилизация стала полностью механизированной — при этом машины почти пропали из виду. Скрытые в городских стенах, зарытые глубоко под землей, идеальные машины взвалили на себя всю тяжесть работы. Тихо и незаметно роботы обслуживали своих хозяев, исполняя свою работу так хорошо, что их присутствие казалось столь же естественным, как утренняя заря.

В области теоретической науки оставалось еще много неизведанного, и астрономам, теперь, когда они уже не были привязаны к Земле, работы хватало на тысячу лет вперед. Но естественные науки и сопряженные с ними области техники перестали быть главным занятием населения. К 2600 году самые выдающиеся умы человечества уже не проводили все свое время в лабораториях.

Людьми, чьи имена больше всего значили для мира, стали художники и философы, законодатели и государственные деятели. Инженеры и великие изобретатели теперь принадлежали прошлому. Как и те, кто когда-то лечил от давно исчезнувших болезней, они выполнили свою работу так хорошо, что в их услугах больше никто не нуждался. Прошло пятьсот лет, прежде чем маятник качнулся в обратную сторону.

Из окна студии открывался захватывавший дух вид: длинная, изогнутая комната находилась на высоте двух миль от основания Центральной Башни. Остальные пять гигантских зданий города сгруппировались внизу, их металлические стены переливались всеми цветами радуги в лучах утреннего солнца. Еще ниже протянулись похожие на шахматную доску поля автоматизированных ферм, теряющиеся из виду в тумане на горизонте. Но сейчас красоты пейзажа не интересовали Ричарда Пейтона II, в гневе шагавшего среди гигантских кусков синтетического мрамора, служившего материалом для его творчества.

Огромные массы искусственного камня великолепных цветов полностью загроздили собой студию. Большая часть представляла собой просто грубо отесанные кубы, но некоторые уже начинали принимать вид животных, людей и абстрактных фигур, которым не отважился бы дать наименование ни один геометр. Неуклюже сидя на десятитонном куске алмаза — самом большом из когда-либо синтезированных — сын художника

глядел на своего знаменитого родителя недружелюбно.

— Не думаю, что я стал бы сильно возражать, — недовольно заметил Ричард Пейтон II, — если бы ты бездельничал, но занимался этим вдохновенно, с артистизмом. Некоторые люди добиваются в этом совершенства, и в целом они делают мир интереснее. Но зачем посвящать жизнь изучению инженерного дела — это выше моего понимания.

Да, я знаю, что мы разрешили тебе выбрать основным предметом технологию, но мы никогда не думали, что ты подойдешь к делу так серьезно. В твоем возрасте я увлекался ботаникой — но она никогда не была главным интересом моей жизни. Это профессор Чендрас Линг тебя надоумил?

Ричард Пейтон III покраснел.

— С чего бы? Я знаю, в чем состоит мое призвание, и он со мной согласен. Ты читал его отчет.

Художник помахал в воздухе листками бумаги, держа их двумя пальцами, словно какое-то противное насекомое.

— Читал, — сказал он мрачно. — «Проявляет весьма неординарные способности к механике, выполнил оригинальную исследовательскую работу в области субэлектроники...» и так далее. Господи, я думал, человечество выросло из этих игрушек столетия назад! Ты хочешь быть механиком и чинить сломанных роботов? Едва ли эта работа годится для моего сына, тем более для внука Всемирного Советника.

— При чем тут дедушка? — с нарастающим раздражением ответил Ричард Пейтон III. — Тот

факт, что он был государственным деятелем, не помешал тебе стать художником. Так почему я должен следовать по твоим или его стопам?

Волоски на впечатляющей золотистой бороде отца зловеще затопорщились.

— Мне все равно, чем ты занимаешься, если этим можно гордиться. Но откуда эта идиотская страсть к технике? У нас есть все необходимые машины. Роботов довели до совершенства пятьсот лет назад; космические корабли не меняются примерно столько же; нашей нынешней системе коммуникаций, полагаю, около восьмисот лет. Так зачем менять то, что уже совершенно?

— Это однобокое и пристрастное суждение! — возразил молодой человек. — Подумать только: художник говорит, будто что-то совершенно! Отец, мне за тебя стыдно!

— Не придирайся к словам. Ты отлично знаешь, о чем я. Наши предки создали машины, которые обеспечивают нас всем необходимым. Несомненно, некоторые могли бы быть чуточку эффективнее. Но зачем об этом беспокоиться? Ты можешь назвать мне хоть одно важное изобретение, которого миру не хватало бы на сегодняшний день?

Ричард Пейтон III вздохнул.

— Послушай, отец, — сказал он терпеливо. — Я изучал не только инженерное дело, но и историю. Около двенадцати веков назад существовали люди, говорившие, что все уже изобретено — и это до открытия электричества, не говоря уже о воздухоплавании и полетах в космос. Они просто

были недостаточно дальновидны, их мысли не простирались дальше, чем «здесь и сейчас».

То же самое происходит сегодня. Мир на протяжении пятисот лет мыслит категориями прошлого. Я готов признать, что некоторые отрасли науки достигли логического конца, но есть десятки других, которые даже не начинали развиваться.

Мир находится в эре технического застоя. Это не темные века, ведь мы ничего не забыли. Но мы стоим на месте. Взгляни на космические путешествия. Девятьсот лет назад мы высадились на Плутоне, и где мы сейчас? По-прежнему на Плутоне! А когда мы преодолеем межзвездное пространство?

— А кому вообще надо лететь к звездам?

Взволнованный юноша с возгласом досады спрыгнул с алмазной глыбы.

— Что за вопрос для нашего века! Тысячу лет назад люди говорили: «А кому надо лететь на Луну?» Да, я знаю, это невероятно, но обо всем этом написано в старых книгах. А теперь Луна в сорока пяти минутах пути, и люди вроде Харна Дженсона живут на Земле, а работают в Платонсити.

Мы воспринимаем межпланетные перелеты как нечто само собой разумеющееся. Однажды мы так же будем воспринимать и настоящие космические путешествия. Я мог бы назвать еще кучу других вещей, которые застопорились просто потому, что люди думают, как ты, и довольны тем, что имеют.

— А почему бы нет?

Пейтон обвел рукой помещение.

— Серьезно, папа. Ты когда-нибудь был полностью доволен чем-то, что сделал? Довольными бывают только животные.

Художник выдавил из себя горький смешок.

— Может, ты и прав. Но это не отменяет моих возражений. Я по-прежнему думаю, что ты потратишь жизнь впустую, и дедушка со мной согласен. — Он взглянул на сына в некотором замешательстве. — Собственно говоря, он прилетает на Землю специально, чтобы с тобой повидаться.

Пейтон заметно занервничал.

— Послушай, отец, я озвучил тебе свою позицию, и не хочу проходить все это еще раз. Ведь ни дедушка, ни Всемирный совет в полном составе не заставят меня переменить решение.

Это было громкое заявление, и Пейтон призадумался, насколько оно серьезно. Ответ уже крутился на языке, как вдруг в студии раздался низкий музыкальный звук. Спустя мгновение механический голос произнес:

— К вам посетитель — ваш отец, мистер Пейтон.

Художник взглянул на сына торжествуя.

— Надо было добавить, что дедушка вот-вот приедет. Но знаю я твою привычку исчезать в тот самый момент, когда ты нужен.

Юноша не ответил. Он взглядом проводил отца до двери. Потом губы его расплылись в улыбке.

Цельная панель из глассита, служившая окном студии, была отодвинута, и он вышел на балкон. На расстоянии двух миль внизу белесо сияла на

солнце огромная бетонная парковка, в нескольких местах отмеченная похожими на капельки тенями приземлившихся кораблей.

Пейтон обернулся и оглядел комнату. Она была по-прежнему пуста, из-за двери доносился голос отца. Юноша не собирался задерживаться ни на миг, взялся рукой за перила — и, перемахнув через них, исчез.

Спустя тридцать секунд в студию вошли двое и, застыв на пороге, стали удивленно осматриваться. Ричарду Пейтону (без порядкового номера) можно было дать на вид лет шестьдесят, хотя эта цифра не составляла и трети его истинного возраста.

На нем была пурпурная мантия, какую носили всего двадцать человек на Земле и менее сотни во всей Солнечной системе. Он, казалось, излучал величие; даже его знаменитый и самоуверенный сын выглядел по сравнению с ним суетливым и невзрачным.

— Ну и где он?

— Черт бы его побрал! Выпрыгнул в окно. По крайней мере, мы можем высказать все, что о нем думаем.

Ричард Пейтон II в ярости вздернул руку и набрал восьмизначный номер на личном коммуникаторе. Ответ последовал почти незамедлительно. Автоответчик повторял отчетливо и безлико: «Мой хозяин спит. Просьба не беспокоить. Мой хозяин спит. Просьба не беспокоить...».

Ричард Пейтон II с возгласом досады сбросил звонок и повернулся к отцу. Старик усмехнулся.

— Быстро соображает, умница. Тут он нас уделал. Мы до него не доберемся, пока он сам не включит устройство. Я определенно не в том возрасте, чтоб за ним гоняться.

Некоторое время в комнате царила тишина, и двое мужчин смотрели друг на друга со смешанным выражением. А потом рассмеялись, почти одновременно.

Глава вторая **ЛЕГЕНДА О КОМАРРЕ**

Милю с четвертью Пейтон камнем летел вниз, прежде чем включил нейтрализатор. Стремительный поток воздуха позади него, хоть и затруднявший дыхание, приятно будоражил. Он падал со скоростью менее ста пятидесяти миль в час, но казалось, что быстрее, — из-за того, что рядом, на расстоянии всего нескольких ярдов, высилось огромное гладкое здание.

Мягкий толчок тормозного поля замедлил его движение всего в трехстах ярдах над землей. Он мягко упал возле рядов летательных аппаратов, припаркованных у подножия башни.

Его собственный скоростной авиолет был маленькой одноместной, полностью автоматизированной машиной. По крайней мере, его создали полностью автоматизированным триста лет назад, но нынешний владелец внес в его конструкцию так много противозаконных переделок, что в це-

лом мире никто больше не смог бы на нем летать без риска для жизни.

Пейтон отключил ремень-нейтрализатор — любопытное устройство, которое, несмотря на свою техническую устарелость, все же обладало интересным потенциалом, — и сел в кабину своей машины. Спустя две минуты городские башни скрылись далеко за горизонтом, а внизу под ним, со скоростью четырех тысяч миль в час, понеслись необитаемые Дикие земли.

Пейтон направился на запад и почти сразу же оказался над океаном. Ему оставалось только ждать: корабль достигнет своей цели на автопилоте. Он откинулся на спинку водительского кресла, полный горьких мыслей и жалости к себе.

Он расстроился больше, чем готов был признаться самому себе. Тот факт, что члены семьи неспособны разделить его интерес к технике, перестал беспокоить Пейтона много лет назад. Но неизменно растущее сопротивление, достигшее сейчас своего апогея, было новым явлением. Он совершенно не мог понять его.

Спустя десять минут из океана показалась одинокая белая вышка, словно меч Эскалибур из озера. Город, известный миру как Сайентия — а более скептически настроенные жители называли его «Часы без кукушки», — был построен восемь веков назад на острове поодаль от всех крупных массивов суши. Это был акт проявления независимости: ведь в те стародавние времена мир еще не освободился окончательно от следов национализма.

Пейтон приземлил свой корабль на парковке и пошел к ближайшему входу. В сотне ярдов от него рокотали, разбиваясь о скалы, огромные волны — этот звук неизменно производил на юношу сильное впечатление.

У входа он на мгновение остановился, вдыхая соленый воздух и глядя, как чайки и мелкие перелетные птицы кружат возле башни. Они использовали этот клочок земли как место для отдыха с тех давних пор, когда человек все еще встречал утреннюю зарю недоуменным взором, спрашивая себя, не божественной ли она обладает природой.

Бюро генетики занимало сто этажей ближе к центру башни. Пейтону потребовалось десять минут, чтобы добраться до Города Науки. И примерно столько же, чтобы разыскать нужного человека среди офисов и лабораторий, расположившихся в пространстве многих кубических миль.

Алан Хенсон II по-прежнему был одним из ближайших друзей Пейтона, хоть и окончил Университет Антарктики двумя годами ранее и больше времени посвятил биогенетике, чем инженерному делу. Когда Пейтон влипал в очередную неприятность, а это случалось нередко, здравомыслие друга оказывало ему большую поддержку. Поэтому сейчас он, разумеется, полетел именно в Сайентию, тем более что не далее как накануне днем Хенсон просил его срочно приехать.

Биолог встретил Пейтона радостно, тем не менее чувствовалось, что он нервничает, приветствуя друга.

— Хорошо, что ты здесь: у меня есть кое-что, что тебя заинтересует. Но отчего такой хмурый вид? Что случилось?

Пейтон рассказал ему о происшедшем, слегка приукрасив. Хенсон некоторое время молчал.

— Значит, они уже начали! — сказал он. — Этого следовало ожидать!

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил Пейтон.

Биолог выдвинул ящик и вытащил оттуда конверт с печатью. Из него он извлек две пластмассовые пластины, в которых было прорезано несколько сотен параллельных дорожек разной длины. Одну из пластин он протянул другу.

— Знаешь, что это?

— Похоже на характеристику.

— Верно. И это как раз твоя.

— Вот так так! Но это же незаконно, или... нет?

— Не страшно. Ключ напечатан внизу; изложено, начиная с эстетического восприятия и оканчивая умственными способностями. Последняя колонка — твой IQ. Только не воспринимай все слишком уж всерьез.

Пейтон внимательно изучил карточку. В какой-то момент он слегка покраснел.

— Не понимаю, откуда ты узнал.

— Не важно, — осклабился Хенсон. — А теперь взгляни на эту характеристику, — и он протянул другу вторую карточку.

— Так ведь это то же самое!

— Не совсем, но почти.